

Выразительные средства в поэзии Давида Кугультинова (на примере стихотворений из сборника «Шүүхэд барлсн шүлгүд»)

*Ольга Кукаевна Баваева*¹

¹ Российский университет дружбы народов (д. 9, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший преподаватель

E-mail: olgabov97@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Баваева О. К., 2020

Аннотация. В статье рассматриваются стихотворения Давида Никитича Кугультинова из сборника «Шүүхэд барлсн шүлгүд», изданного в 1971 г. Удивительная живописность и «вещественность» поэзии Давида Кугультинова отмечается многими исследователями и почитателями таланта поэта. Анализ ряда стихотворений показал, что использование неожиданных авторских субстантивных и других сочетаний составляет своеобразие данных произведений. Образность и яркость стихотворений создаются разнообразными метафорами и сравнениями. Особая экспрессивность, эмоциональность достигается смысловой концентрацией, когда активируются все лексические значения одновременно. Этноспецифические выражения и образы придают особый калмыцкий колорит мысли поэта.

Ключевые слова: анафорическая рифма, звукопись, метафоризация, субстантивные сочетания, сравнения, олицетворение

Благодарность: Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Бабаева О. К. Выразительные средства в поэзии Да-
вида Кугультинова (на примере стихотворений из сборника «Шүүхэд
барлсн шүлгүд») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020.
№ 2. С. 216–224. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-216-224

UDC 82-1:821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-216-224

Expressive Means in the Poetry of David Kugultinov (on the Example of Poems from the Collection “Shüühäd barlсn shүlgүd”)

*Olga K. Bavaeva*¹

¹People’s Friendship University of Russia (RUDN), Institute of Foreign Languages, Department of Theory and Practice of Foreign Languages (9, Miklucho-Maklay St., Moscow 117198, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology); Senior Lecturer

E-mail: olgabov97@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bavaeva O. K., 2020

Abstract. The article focuses on the poems of David Nikitich Kugultinov from the collection “Shүүхэд барлсн шүлгүд” published in 1971. A lot of researchers and admirers of David Kugultinov point out the amazing picturesqueness and corporeality of his poetry. The analysis of several poems showed that the distinctive feature of these works lies in the use of unanticipated, author’s substantive and other combinations. Imagery and richness of the poems are created by the use of different metaphors and similes. A special expressiveness and sensibility is achieved through semantic mobilization when all the lexical meanings are activated simultaneously. Ethno-specific tone and images give a distinctive Kalmyk flair to the author’s idea.

Keywords: anaphoric rhyme, tone painting, metaphorization, substantive combinations, simile, personification

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Bavaeva O. K. Expressive Means in the Poetry of David Kugultinov (on the Example of Poems from the Collection “Shüühäd barlsn shülgüd”). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 216–224. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-216-224

В данной статье ставится задача выявить способы создания художественной образности, определить, какие средства калмыцкого языка способствуют той «вещественности» мысли поэта, отмеченной такими литераторами современности, как С. Маршаком, Ч. Айтматовым [Слово о Давиде Кугультинове 1983].

В статье рассматриваются стихотворения Давида Никитича Кугультинова на калмыцком языке. Для анализа выбраны стихотворения из сборника 1971 г. «Шүүхэд барлсн шүлгүд», в которых автор раскрывает секреты творческого процесса.

Первое стихотворение без заглавия состоит из пяти строф, с традиционной анафорической рифмой, иногда поддерживаемой концевой рифмовкой. Привлекает внимание зеркальность первой и последней строф. Стихотворение начинается и заканчивается образом белой бумаги, ожидающей шумного потока слов. Образ потока развивается метафорой сосуда — белой бумаги, который следует наполнить.

Вторая и третья строфы по восемь строк с парной рифмовкой: *ккссишжжж* и *шишүүтттт*. Поэт говорит о своем бережном отношении к словам, как к друзьям. Здесь насилие невозможно, иногда нужно терпеливо и долго ждать их визита.

Сила поэтического слова, его значение раскрывается в четвертой строфе. Стихотворение сродни мудрой пословице, которая живет в вечности. Оно дарует отвагу робкому, пищу — голодному, свободу — угнетенному, согревает нуждающегося в тепле.

Высокая художественная образность достигается за счет метафоризации и олицетворения. Лист бумаги радуется словам: *цаһаж, таниг күлэсн / цаас байрлулж дүүргэж*. Образ непрерывного потока слов: *ца-цааһасн асхрэж* имплицитно актуализирует образ бумаги — сосуда, который нужно заполнить. Этот образ закрепляет и поддерживает лексема *дүүргэж*. Слова шумят и излучают свет: *шуугад герлтсн үгмүд*, с благоговением воплощаются в сияющие строчки стиха: *шүлгин гегэрсн мөрд / шүтэж өтрлэд орит*. Шум и шелест слов создается звукописью: *шуугад, шуулудж, шүлгин, шүтэж. Гегэрсн мөрд* — сияющие, излучающие свет строки. Ключевое слово строки *шүтэж* в деепричастной форме от глагола *шүтх* ‘верить, почитать’. Дериват данного глагола существительное *шүтэн* ‘божество, святыня’. В разговорной речи встречается сочетание: *бурхнд шүтх*. Таким образом, в сознании носителя языка «запускаются» все эти значения, усиливая эмоционально-возвышенное звучание. Слова поклоняются строкам: *гегэрсн мөрд шүтэж*, торопливо входят, ступают на... в... глагол *орит* ‘войдите’, побудительная форма от инфинитива *орх* ‘входить’. Слова нечто живое, они благоговеют, входят или вступают, т. е. здесь актуализируется еще одно значение слова *мөр* ‘путь’. Имплицитное раскрытие всех значений слова определяет емкость и глубину образов.

Последняя строфа начинается с образа птиц, летящих стройными рядами, распластав крыла: *Живрэн холас делэд / жирирсн сээхн оларн*. Далее образный ряд продолжает метафора звонкой мелодии: *жингнсн айсан кункнүлэд*. Слова — друзья, которые утоляют жажду творчества: *жилвим тевчэж талвалһад*, дарят умиротворение душе: *ирэж седклим ханһаһит*.

В следующем стихотворении читатель застаёт поэта за работой. В густом дыму сигареты поэт торопливо записывает рождающиеся строки. Болезненные и радостные воспоминания из далекого прошлого и настоящего мелькают перед внутренним взором поэта. Он спешит «запереть» их на бумаге: *өтрлэж цааснд оньслэж...*

Призвание поэта — служение людям, человечеству. Стихотворение должно быть сродни поговорке. *Күүрт үлгүр болм* ‘поговор-

ка/пример для беседы’ / *Күүнд сурһмж болм* ‘поучение человеку’; *күмни жџирһлд дөңгнх* ‘помощь в жизни человека/человечества’ / *күсл өмннь тэвнэв* ‘ставлю такую цель’. Поэт боится допустить фальшь, изменить истине: *Хээртэ үннэ хаалһас* ‘с драгоценного пути истины’ / *хажџһэд одхаснь гэнэв* ‘свернуть боюсь’. Иногда, увлекшись рифмой, поэт уходит от основной мысли: *Үүмж ухаһим дахулсн* ‘волнуя, ведет мою мысль’ / *үгин дарилһд, зармдэн, авгдџ хол утхин* ‘основную мысль’ / *алдн гинэв* ‘едва ли не теряю’... Однако рождающиеся строки живут по своим законам. *Төржџах шүлгин неквр* — закон стиха оценивает каждое слово, отбирая, как коня из табуна: *эврэннь хэлэцэр мөрмүдиг / эргүлџ шалһад шинжлнэ*. Лишнее безжалостно вычеркивается. Готовое стихотворение выдерживает экзамен: *Шүүврэн некврт өгэд...* И, когда мелодия стиха сливается с душой, поэт испытывает блаженство и благодарность. Он чувствует, словно стоит на вершине горы, обозревая далекие дали. *Уулын орад һарад / Уужм холыг үзсниң / Дотр бий талваһад / Догдлџ зүркн байсна / Дүмбр жџирһлдэн ханад / Дуулх дурн күрнэ*. (взойдя на вершину горы/ будто обозревая далекие дали/все внутри меня приходит в покой/мое сердце бьется, переполненное радостью/благодарный этой величественной жизни/ хочется петь)

Стихотворение написано трехстопным ямбом с традиционной анафорической рифмой. Сорок строк стихотворения не разбиваются на строфы. Яркая художественная образность достигается за счет расширения семантики слов и субстантивных словосочетаний, например, *шүлгин неквр* — требование / закон стихотворения, *уужм холыг үзсниң* — *уужм* — далекий, просторный, ширь, простор. В повседневной речи *хол* — встречается только в адъективной форме, как и в словаре калмыцкого языка, например, дается только значение: далекий. В стихотворении поэт использует лексему в субстантивной форме — даль.

Привлекает внимание образ в описании творческого процесса, когда слово отбирается, как скакун из табуна: *мөрмүдиг эргүлџ шалһад шинжлнэ* — *эргүлџ* ‘заворачивать (табун лошадей, скот), вращать предмет’ / *шалһад* ‘отделять, отбивать’ / *шинжлх* ‘рас-

смаковать, оценивать, обдумывать'. Оба эти значения активизируются в строке, что приводит к смысловой концентрации.

Ощущение мощи, безудержности, власти творчества над человеком создается в стихотворении «Дууч» ('Певец'). Это короткое стихотворение состоит из шестнадцати строк с начальной рифмой, с богатой палитрой метафор, неожиданных семантических сочетаний. Творчество — это безудержная сила, повелевающая человеком. Оно зреет, переполняет душу и рвется наружу, причиняя боль. Сознание устремляется к словам, и губы невольно шепчут слова. Мелодия стиха начинает звучать в сердце. Дар поэта вылавливает мысль, рожденную мудростью жизни. И тогда ее можно излить на лист бумаги.

С первых же строк читатель видит напряженную работу мысли, силу, мощь движения, полета: *Өрчдчн седкл бүтэд / Өвдэд назаран алдрхла, / үгмүдт саначнь күгдлэд / Урличн чидлэрн көндэхлэ.* (душа задыхаясь в груди/вырывается наружу/мысль твоя облекаясь в слова/заставляют губы твои шевелиться, произнося их)

Такое семантическое напряжение создается глаголами с импликационалом силы, порывистости, движения, действия: *бүтэд* — душа задыхается, болит и рвется наружу; *алдрх* — вырваться, сорваться. Глагол *күгдлх* сразу же актуализирует образ ретивого скакуна, поскольку в сознании носителя языка данный глагол стойко ассоциируется с конем.

Для наглядности приведем значения слова из словаря калмыцкого языка: 1. напрягаться (пытаясь порывистыми движениями освободиться от связывающих пут); *күлэһэн таслхар күгдлх* напрягаться, стараясь порвать путы 2. приподниматься рывками [КРС 1977: 322]. Мысль поэта, как скакун, напрягается и рвется к словам. *Урлычин чидлэрн көндэхлэ* — насильно заставляет шевелиться твои губы. Снова образ силы, напряжения, усилия воли.

Тер үгмүдин айс / Тодрхаһар зуркндчнь күнкнхлэ (мелодия этих слов/если отчетливо зазвучит в твое сердце) — слова отчетливо звучат / отдаются эхом в сердце. *Күнкнх* — еще одно емкое слово, несколько значений которого одновременно актуализируется в

стихе. Образ движения жизни, ее скоротечности создает субстантивное сочетание: *Живртэ жирһл* — крылья жизни.

Семантическое напряжение, накал стиха продолжает образ жаждающей стиха бумаги: *Хагсу цаһан цаасиг / Халта шулгэрн усл* — ‘сухую белую бумагу / строгим стихом напои’. Сочетание: *Хагсу цаасн наряду* с императивом *усл* — навевает образ иссушенной зноем пустыни. Калмыки говорят: *цааснас* — *хумхань уга*. В связи с этим есть запрет протирать стол или посуду бумагой. В народной психологии бумага ассоциируется с чем-то крайне сухим и ненасытным, так как лексема *хумха* означает не только засохший, увядший, но и жадный, ненасытный. Таким образом, в строке актуализируется значение ненасытности, жажды.

Мучительный, напряженный процесс творчества кристаллизует строки, которые диктует сама мудрость жизни: *живртэ жирһлин күнкэнэс / Жигтэ билгэрн хавлсн* (из крылатой, (вдохновенной) жизни мудрость/улавливая своим великим талантом). Удивительный дар поэта вылавливает эту мысль. Субстантивные сочетания *жирһлин күнкэнэс* — из мудрости жизни, *күнкэн* — мудрый.

Конечная пара строк усиливает напряженный нерв стиха: *Хар бекин мөриг / хуриц үгэрн оньсл*. Строчки черных чернил острым словом запри. *Хуриц* — острый, в сочетании с лексемой *үг* актуализируется значение: меткий, точный.

Привлекает внимание лексема *мөриг* в данной падежной форме. Словарные дефиниции лексемы *мөр* предлагают следующие значения: 1. след; Путь; 2. порог; *үүднэ мөр* порог двери; порог дома. 3. лит. Строка; *бичгин мөр* — строки письма; 4. удача, счастье [КРС 1977: 359]. Например, *мөр болж көлгн харһва...* — ‘к счастью / к удаче транспорт нашелся / повезло, что..’. Все эти значения мотивированы лексемой *мөрн* — ‘лошадь, конь’. Косвенным подтверждением данного утверждения может быть выражение: *мөрнь гүжэнэ...* — используется для описания ситуации, когда человеку везет.

Таким образом, в последней паре строк в лексеме *мөр* актуализируются все значения, кроме четвертого. *Мөр* — это строка,

написанная черными чернилами, ее надо запереть, глагол *оньсл* актуализирует сему «дверь, порог». Также *хар бек мөриг* в сознании носителя языка неизбежно вызывает образ ретивого вороного скакуна, которого надо запереть. Концентрация образов рождает емкость и глубину этих строк.

По мысли поэта, процесс творчества — напряженный, а порой мучительный поиск нужных слов, когда отбираются самые верные слова и мысли. Творческий поиск тем ценен, что рождает неслышанное ранее мудрое слово, глубокую мысль: *кезэдчи соңсгдад уга / керсү шин уха*. Результат такого творчества служит человечеству, дарит радость *күмнд* людям. Эмоционально возвышенные слова: *күмн, жсирһлин күнкән, неожиданные сочетания билгәрн хавлсн, шүлгәрн усл, үгәрн оньсл* составляют своеобразие поэтического мастерства Давида Кугультинова.

Еще одно стихотворение-двенадцатистрочник посвящено работе критика, тщетно пытающегося понять суть поэзии. По мысли поэта, живая душа стиха ускользает при попытке “препарировать” поэтическое произведение. Критик *шалһач* расчленяет живую плоть стиха. Здесь дается этноспецифический образ “*үйәрнь салһв*”, *мөчмуднь шилтжэ, шигджэ хэлэв*”, в сознании носителя языка всплывает образ расчлененной тушки барана. Казалось бы, абсолютно тривиальный, не «поэтический» образ. Однако в исполнении Кугультинова звучит уместно и даже возвышенно. Дело в том, что в стихотворении нет ни барана, ни его расчленения. Но есть сочетания: *үйәрнь салһв, мөчмуднь* — и услужливое сознание носителя языка рисует привычный образ, метафорически примененный к стихам, к творчеству. Далее метафора развивается в картинку результата такого препарирования: живой стих *бүклдән әмд шүлг* превращается в грудку теплого мяса *бүләкн махн болв*. Критик буквально принюхивается *үнрчлжэ*, приближая лупу, и с удивлением видит, как живая, горячая душа стиха *шүлгин халун әмн* ускользает из рук *шүүргдлго зулсинь өврв*. Такое сравнение, возможно, есть ирония поэта над трудами сухого критика в сравнении с боговдохновенным творчеством поэта. (Вспомним образы, сопряженные с творчеством, рассмотренные выше).

Семантическое богатство, образность калмыцкого языка определяют «вещественность» и живописность поэзии Давида Кугультинова, который, как истинный мастер-виртуоз, чеканил филигранные строки своих произведений, опираясь на национальные традиции, фольклор, культуру, и при этом все его творчество всегда масштабно. Его поэзия — отражение калмыцкого мировидения, ощущения и отношения к жизни, к людям, к обществу. Как отметил Вадим Кожевников: «В этих стихах дыхание калмыцких степей, их зной, их ветер, их краски и звуки» [Слово о Давиде Кугультинове 1983: 48]. И это дыхание степей читатель чувствует в каждой строчке поэта. Любовь к родному языку, к своему народу, преданность и верность своему делу, которое всегда понималось поэтом как служение народу, людям, человечеству, составляют магию его поэзии.

Литература

- Көглтин Д. 1971 — *Көглтин Д. Шүүхэд барлсн шүлгүд*. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1971. 655 х.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / сост. Б. Д. Муниев. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Слово о Давиде Кугультинове / сост. Д. Б. Дорджиева, З. Д. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 109 с.